

УДК 82-43+070.41

**ЭСТЕТИКА И ПРАГМАТИКА ЯЗЫКОВОЙ ПАМЯТИ В ПРОБЛЕМНОМ ОЧЕРКЕ
В. Г. РАСПУТИНА «РУССКОЕ УСТЬЕ»**

© *Романцова Татьяна Дмитриевна*

кандидат филологических наук, доцент,
Иркутский государственный университет
Россия, 644025, Иркутск, ул. Ленина, 8
E-mail: t100161@yandex.ru

Языковая память, связывающая прошлое и будущее народа, организует концепцию очерка «Русское Устье», оформляет композицию проблемного материала и его образность. Образная система скреплена мотивами языковой памяти русскоустыинцев, уходящей корнями в «дальнюю старину»; языковой памяти героя-рассказчика, объединяющей три социальные ипостаси — коллектив, группу, персону; собственной языковой памяти автора, организующей дискурс проблемного очерка, свидетельствующей о картине мира и идеалах жизнеустройства, доминантах мировоззрения, этико-философских ориентирах и художественно-эстетических, в том числе речевых, пристрастиях публициста. Благодаря языковой памяти пробудить память о жизненной мудрости и духовной силе нации, чтобы создать настоящее и будущее, достойное предков, — прагматическая задача и философско-эстетическая установка очерка, оформляющая художественно-публицистическое полотно. Представляется, что многолетние эстетические поиски В. Распутина являются одновременно социально-прагматическими, коммуникативно нацеленными.

Ключевые слова: языковая память; публицистика В. Распутина; эстетика языка; прагматика языка; проблемный очерк.

Жизненно важные процессы — мыслить, действовать, запоминать — одновременно связаны с двумя «врожденными когнитивными способностями человека» [7, с. 12]: памятью как информационной системой, фиксирующей факт и в форме опыта сохраняющей результат взаимодействия с внутренней и внешней средой для прагматических целей [см.: 4, с. 79], и языком — исторически сложившейся системой «звучковых, словарных и грамматических средств», объективирующей «работу мышления» и являющейся «орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе» [5, с. 917]. В семантической памяти хранятся когнитивные модели, в которых с помощью языковых механизмов структурирована информация об опыте взаимодействия человека с миром. Тогда «язык предстает по отношению к памяти в качестве своеобразного донора. Если же обратиться к дискурсу, то соотношение меняется — роль донора берет на себя память» [7, с. 12].

Память, связанная с родным языком, а через него — с прошлым и будущим народа, концептуально предопределяет жанр «Русского Устья» В. Г. Распутина, играет «смыслообразующую роль» [3, с. 15] как ведущий очерковый мотив, строит композиционно-номинативный рисунок проблемной публикации, порождает многомерную образную систему.

Языковая память в проблемном очерке видится как протяженная во времени, соединяющая пространства и культуры, устойчивая и пластичная ментальная сущность. В связи с идеей очерка она представлена

— памятью о русском языке «до раскола» церкви: «*В Русском Устье говорят, как в дальней старине, не в двойном, а в тройном преувеличении: не преисподняя, а тресподняя, не пресветлое, а тресветлое*» [6, с. 481]*; «<...> сохранилась и

* Полужирное выделение текста в цитатах выполнено автором статьи.

“вичь”, что в древности означало дневную пищу богатыря, судя по былинам, а здесь — для упряжки» [6, с. 525];

– памятью о языке древних речевых жанров: **«Предание — не фольклор, не слух или красивая байка, это не художественная, а историческая память, почему-либо не записанная или не могшая быть записанной <...>» [6, с. 496]; «<...> в Русском Устье былины и баллады сказываются едва ли не первородным, каноническим текстом <...>» [6, с. 503];**

– памятью о языке «досельных людей», закрепившихся в низовьях Индигирки. Эта память, жизнеспасительная по сути и чуткая по отношению к чужой культуре, ко времени и пространству, способствовала созданию уникального по силе и мощи сиби́рского характера: **«Хорошо заметная в некоторых фамилиях азиатчина больше всего юкагирского происхождения. Но от этого не пострадали ни язык, ни обычаи, ни память <...>» [6, с. 495]; «<...> слова, потерявшие в новых условиях собственную предметность, находили другое, не противное себе обозначение и все-таки жили. Не было скота — скотом называли собак, конуру называли стайкой — и не дали умереть словам» [6, с. 498]. Эта же память впитала в себя и язык «новой эры»: «Когда-то кто-то, должно быть, из должностных лиц завёз в Русское Устье слово “республика” и растолковал его как беспорядок, неразбериха <...> “Республика” перенесена была на всякий беспорядок — в собачьей ли упряжке, в кухне ли среди баб, или на общем сходе» [6, с. 530];**

– отголосками языковой памяти «досельных людей» у их потомков: **«Полярный знали авиаторы и навигаторы, пограничники и геологи, а охотники и рыбаки от Яны до Колымы знали и знают Русское Устье. И это не просто привычка к устоявшемуся названию, это неделимая часть прочно созданного местного мира <...>» [6, с. 505];**

– языковой памятью новых жителей Русского Устья: **«В тундре работают с приборами геологи, ее, разбив на квадраты, стерегут пограничники, в сендухе, где водятся сендушный, чучуна и чандала, живут и кормятся от нее эвены, юкагиры, чукчи, родные дети этого неба и этой земли <...>» [6, с. 505].**

Языковая память «досельных людей», их предков и потомков, во множестве форм представленная в очерке, одновременно сопрягается с языковой памятью лирического героя очерка. В сознании героя — рассказчика и мыслителя — активна память о реалиях бытовой и речевой жизни русскоустыинцев, облеченная в языковые знаки разного пространства и времени: Русского Севера (до церковного раскола), Русского Жила и Русского Устья (с начала XVII в.), Полярного (с 1942 г.), Русского Устья (с 1988 г.). Эти языковые знаки В. Распутин предъясняет читателю как обоснование идеи о том, что триста пятьдесят лет существовала и дальше может существовать **«Земля единая и каждая в отдельности» [6, с. 548],** если только человек, живущий на ней, способен **«видеть, слышать, обонять и осязать дальше собственной жизни» [6, с. 542].** Преподнося центральную мысль очерка средствами публицистики, желая быть услышанным, понятым и убедительным, автор попеременно представляет лирического героя одним из трех «субъектов атрибуции памяти» (термин П. Рикера). Рассказчик обращается к коллективной социальной, публичной памяти, запечатленной в языке: **«И уж вовсе забыли и потеряли мы из старославянского иверень (часть, кусок, осколок); в болгарском — ивер, в чешском — ивера, означающих щепу, стружку» [6, с. 536].** Он ссылается на собственную языковую память: **«<...> я удивлялся совпадению многих диалектных особенностей наших говоров. Просматривалось явное родство, которое показалось мне близким» [6, с. 534].** Наконец, он привлекает память близких людей, соединяющую «живую память индивидуальных личностей» и публичную память «сообществ, к которым мы принадлежим» [7, с. 19];

«Если в каждой **нашей семье** на родном языке проступают «родимые пятна», никому, **кроме своих**, недоступные <...>» [6, с. 539]. Каждый из трех названных субъектов (я — мы — все мы) гетерогенен по социальной природе, далее делим и членим в соответствии с частными авторскими интенциями. Не акцентируя на этом внимание, отметим, что апелляция к памяти о языке «досельных людей», слияние лирического героя с разными общественными стратами и обращение от лица современника к индивидуальной и публичной языковой памяти социума — все служит концептуальным задачам очерка.

Открыть в русском человеке «клапан, приподнимавшийся время от времени над узким нечувствительным отверстием, сквозь которое доносился связный шепот нашего предка, знающего, что его поймут» [6, с. 542] автору удастся не только через живой еще язык русскоустыинцев — звучащую «досельность», не только через описанную выше социально-диалоговую мимирию лирического героя. В качестве решающего действенного средства использует В. Распутин собственную языковую память, которая организует и порождает дискурс проблемного очерка. Четкие интеллектуальные аргументы (отсылки к научным трудам, авторитетным персонам), открытое изобразительное воздействие (детализация и образная проработка мотивов и сюжетов) позволяют автору имплицитно, посредством нарратива героя, представить целительную для него самого силу памяти, заложенную

– в истории русского и других славянских языков, — и тогда использует древние и устаревшие лексемы и формы: «<...> **В болгарском «до повиданья» так и осталось, есть оно и в Русском Устье. Как и исток (восток), в болгарском — исток. И живот на Индигирке сохранился в значении жизнь, имущество»** [6, с. 536];

– в диалектной речи русскоустыинцев и сибиряков, — и тогда выбирает местные слова и формы разной морфологической принадлежности и разных тематических групп: «**В Русском Устье мне не требовалось объяснять, что такое *лыва* (лужа), *мизирь или ситник* (паук), *галиться* (издеваться, глумиться), *лонись* (в прошлом году)** <...>» [6, с. 534];

– в просторечной зоне, — и с помощью этих единиц придает очерку дополнительную эмоциональность и экспрессию: «**Старики, вспоминая о тридцатых годах, и теперь, прикрывая от неловкости глаза, качают головами: за *лишек* зашли <...>**» [6, с. 533]; «<...> **по своей метке *признал* колхозное стадо**» [6, с. 533];

– в среде профессионального общения русскоустыинцев, — и тогда делает текст реалистичным, изобразительным, детализованным, образным: «<...> **дикого оленя *бьют на плаву* <...>**» [6, с. 533]; «**Добывал совхоз песцов <...>**» [6, с. 533];

– в потенциальных возможностях современного языка, — и создает неповторимые слова и формы, которые до такой степени органичны народной лексике, ее тональности и внутреннему дыханию, что сразу не поддаются быстрой и однозначной филологической маркировке «на окказиональность»: «**Издали-далеко, крутятся в лодке по крутым излучинам, видели мы ее — *согнуто-теремчатую* под крестом**» [6, с. 545]; «**Кладбище уходило в глубь *огибень-полуострова* <...>**» [6, с. 547].

Представляя память и язык как жизненно необходимые основы человека, автор описывает мнемонические процессы, происходящие в его сознании, в сознании представителей разных профессий, разных поколений сибиряков:

– «присутствие воспоминания в сознании (воспоминание, chosevisee)» [7, с. 13]: «**В справках, распоряжениях, отчётах Полярный, а в памяти людской — *по-прежнему Русское Устье***» [6, с. 481]; «<...> **слова, потерявшие в новых условиях**

собственную предметность, находили другое, не противное себе обозначение и все-таки жили» [6, с. 498];

– «непроизвольно пришедшее воспоминание (воскрешение в памяти, evocation)» [7, с. 13]: *«Здесь, в краю вечной мерзлоты <...> сохранился и старорусский язык <...> последним отголоском русской языковой и бытовой стародавности. И то чудо, что она донеслась, а нам припомнился слух, чтобы ее понять»* [6, с. 542];

– «активное воспоминание-припоминание, включающее узнавание (rememoration, recollection, recollectingreminder, visee, rappel, reminiscence)» [7, с. 13]: *«<...> не вдруг, даже и выструнившись весь в одно внимание, поймешь правильно русскоустыинца»* [6, с. 542];

– осознанное забывание: *«<...> все «дымы» <...> свезли в один табор и, чтоб не травить память историей, недолго думавши, нарекли его Полярным»* [6, с. 481];

– естественное (историческое, временное) забывание: *«<...> большинство их рядом с сильным народом объякутилось и наполовину потеряло родной язык»* [6, с. 498]; *«<...> открывается с особенной ясностью, как много вместе с естественным отмиранием случилось в русском языке потерь неоправданных и непоправимых <...>»* [6, с. 542];

– осознанное сопротивление воспоминанию: *«<...> человечество между тем за свою историю не однажды теряло материки, цивилизации, могущественные города и законы, а когда они случайно находились, не могло отыскать им в своих построениях места <...>»* [6, с. 485].

Мнемонические процессы в концептуальном рисунке очерка воспринимаются как потенциально созидательные, не зависимо от того, эстетику прекрасного (воспоминание, воскрешение в памяти, припоминание) или безобразного (осознанное и естественное забывание, сопротивление воспоминанию) они представляют. Если искусственно не сопротивляться воспоминанию, насильно не стирать из памяти референтные знаки, то даже естественное забвение может стать ресурсом памяти: «мы вспоминаем то, о чем мы никогда не помнили и не запоминали <...>. В таком случае забвение (глубокое забвение в отличие от поверхностного, обратимого забвения), как и память, само становится резервуаром информации» [7, с. 18]. Служа благородной задаче сохранения национальных корней, меняются функциями память и забвение, безобразное и прекрасное. Бытовая прагматика наполняется художественной эстетикой, художественная эстетика рождает особую философию бытия — человеческого и природного, в которой памяти отведено одно из центральных мест: *«Необыкновенная национальная устойчивость, замкнутая старобытность, обособленность языка и нравов, поразительная памятьливость — все это свидетельства хоть и косвенные, но совсем не пустые, вместе говорящие, что мы имеем тут дело не с правилом, а с исключением, с чем-то совершенно особым и отдельным»* [6, с. 498].

Языковая память как общий организующий конструкт свойственна не только человеку, но всему природному миру в очерке В. Распутина. Память языка как агенс-особая творческая сила [2, с. 241] — награждает природу способностью к речевыми мнемоническим действиям. И тогда природа запечатлевает в собственной памяти знаки реальности: *«И вот под этим низким небом текут в океан, называя своими именами и размечая тундру на ленскую, янскую, индигирскую и колымскую, сибирские реки <...>»* [6, с. 505] Обладая языковой памятью, она предъявляет особые требования к семантической памяти человека: *«На себя надейся, да о “вере” не забывай, а под “верой” здесь кроется целый свод тундровых установлений и правил, тайных и явных <...>»* [6, с. 509] Кроме того, охраняя человека от осознанного

и естественного забывания, природа берет на себя функцию запасного мемориального ресурса, не подвластного истории: *«Здесь, в краю вечной мерзлоты, где все еще находят туши мамонтов и стволы берез неподалеку от океана — свидетельство иных климатических эпох, на счастье и удивление до последних дней сохранился и старорусский язык»* [6, с. 542].

Ненавязчивые размышления о мнемонических процессах, об источниках и «субъектах атрибуции» памяти нарратора, теснейшим образом связанного с автором, о видах языковой памяти русского сибиряка концептуально обусловлены описанной выше прагматикой проблемного очерка — открыть *«клапан, приподнимавшийся время от времени над узким нечувствительным отверстием, сквозь которое доносился связный шепот нашего предка»* [6, с. 542], чтобы научиться *«видеть, слышать, обонять и осязать дальше собственной жизни»* [6, с. 542]. Пробудить память о жизненной мудрости и духовной силе нации для создания настоящего и будущего, достойного памяти предков, — философско-прагматическая задача очерка, которая руководит художественной эстетикой текста.

Убеждая в основательности и жизненной реалистичности, потенциальной воплощаемости своих идей, автор прибегает к усиленной изобразительности и образно-оценочной детализации в обрисовке языковой прагматики предков. Описывая привычные речевые действия *«досельных людей»*, связанные с языковой памятью, В. Распутин использует эмоционально-чувственные характеристики, составляющие категорию прекрасного: *«<...> на русском, данном им от природы, языке <...> говорили с радостью, им было приятно слушать друг друга и своих предков в давних поэтических складываниях <...> соблюдали обряды, исполняя положенное, но относились к ним почти с телесным удовольствием <...>»* [6, с. 503]. В свою очередь представление русскоустыинцев о неприемлемом, безобразном по канонам художественной эстетики, связано с речевыми действиями, демонстрирующими расстройство языковой памяти: *«<...> в Русском Устье былины и баллады сказываются едва ли не первородным, каноническим текстом; на тех, кто отступал от него, взмахивали с неудовольствием руками: не умеешь, не умеешь»* [6, с. 503].

Запечатленные в языковом сознании современных русскоустыинцев и их сибирских соседей исторические, фольклорные, бытовые реалии эксплицитно и имплицитно снабжены художественно-эстетическими оценками нарратора. В контексте очерка художественно-эстетические маркеры аккумулируются в философско-эстетическую сентенцию о созидательной силе правды, основанной на ответственности за прошлое и будущее, которая, в свою очередь, не существует без памяти: *«...никакая правда и никакой поступок в мире не теряются окончательно»* [6, с. 502].

Персональная ответственность автора за существование Русского Устья порождает его обязательство как публициста стилистически убедительно воплотить идею, сделать свою языковую память прагматически значимой и эстетически привлекательной для чужой жизни, т. е., сыграв на «мнемонических клавишах и жанровых и эмотивных педалях» [1, с. 63], «претворить свой неповторимый опыт в нечто, способное быть воспринятым другими людьми и сделаться частью их столь же неповторимого опыта» [1, с. 10], руководить их убеждениями и поступками.

Возвращение к очерку вплоть до 2006 года, художественная переработка и дополнительная детализация отдельных мест текста, в том числе касающихся языка, свидетельствуют о желании автора достичь максимальной эстетической гармонии между содержанием и формой произведения. Представляется, что многолетние эстетические поиски В. Распутина являются одновременно социально-прагматическими, коммуникативно нацеленными. Делясь с читателем уникальным языковым миром,

автор стремился инкорпорировать современнику и свою жизненную философию, и бытийно-нравственный опыт предков, ибо «наша способность принять кем-то другим созданное высказывание в свой языковой мир есть результат <...> многократных соприкосновений наших ресурсов языковой памяти и связанного с ними жизненного опыта» [1, с. 66].

Литература

1. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: «Новое литературное обозрение», 1996. URL: http://svitk.ru/004_book_book/12b/2576_gasparov-yazik_pamyat_obraz.php (дата обращения: 01.09.2018).
2. Демьянков В. З. Семантические роли и образы языка // Язык о языке. М.: Языки русской культуры, 2000. С.193–270.
3. Имхелова С. С. Мотив памяти как доминантный в прозе В. Распутина // Валентин Распутин. Правда памяти: материалы Всеросс. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения писателя. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. С. 18–28.
4. Когнитивная психология. Учебник для вузов. М.: ПЕР СЭ, 2002. 480 с.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
6. Распутин В. Г. Сибирь, Сибирь... Иркутск: Издатель Сапронов, 2006. С. 479–553.
7. Ревзина О. Г. Память и язык // Критика и семиотика. 2006. Вып. 10. С. 10–24.

AESTHETICS AND PRAGMATICS OF LANGUAGE MEMORY
IN THE PROBLEMATIC ESSAY BY VG RASPUTIN "THE RUSSIAN USTYE"

Romantsova Tatyana Dmitrievna
PhD, Associate Professor
Irkutsk State University
8, Lenin Street, Irkutsk, 644025 Russia,
E-mail: t100562@yandex.ru

Language memory, which connects the past and future of the people, organizes the concept of the essay "The Russian Ustye", draws the composition of the problem material and its imagery. The image system is cemented by the motifs of the language memory of the "russkoustintsi", rooted in the distant past; linguistic memory of the hero-narrator, which unites three social hypostases — the collective, the group, the person; the author's own language memory, which organizes the discourse of the problematic essay that attests to the picture of the world and the ideals of life, the dominants of the world outlook, ethical and philosophical guidelines and artistic and aesthetic, including speech, publicist preferences. To awaken the memory of the wisdom of life and spiritual strength of the nation, thanks to linguistic memory, in order to create a present and future worthy of ancestors is a pragmatic task, a philosophical and aesthetic setting of an essay that formalizes an artistic and publicistic canvas. It seems that the long-term aesthetic searches of V. Rasputin are both socio-pragmatic and communication-oriented.

Keywords: language memory; journalism by V. Rasputin; aesthetics of the language; the pragmatics of the language; problem essay.